Оксана Погорелова

Биополитика детства

Рецензия на книгу: Социальная политика и мир детства в современной России. Е. Р. Ярская-Смирнова, Е. П. Антонова (ред.). М.: Вариант, 2009.

Любое исследование социальной эксклюзии и депривации в век победившего релятивизма, кажется, обречено стать мишенью для критики. Исследователи, еще с университетской скамьи приученные «смотреть на вещи в их соотношении», с недоверием воспринимают все, что им кажется абсолютизацией различий. К примеру, элитология [Крыштановская, Радзиховский, 1993] в академических дебатах всегда будет проигрывать теории стратификации [Радаев, Шкаратан, 1996] просто потому, что абсолютное различие в доступе к власти (есть всевластные элиты и есть серая управляемая масса) кажется релятивисту менее убедительным, чем представление об обществе как о слоеном пироге (где каждый класс получает свою идентификацию исключительно в сопоставлении со всеми остальными классами). Аналогичным образом абсолютная шкала бедности кажется нам сегодня менее убедительной, чем относительная [Овчарова, 2009; 2012]. Если речь заходит о доступности школьного образования, то, конечно, легче говорить о наличии «барьеров», требующих преодоления [Константиновский и др., 2008], чем констатировать существование «заборов с колючей проволокой», исключающих всякий побег. Кто станет читать такое безрадостное исследование? И, конечно, когда речь зайдет об оценке качества образования, исследователь-релятивист скажет: «Не существует образования качественного и некачественного, но есть разные качества образования» [Константиновский и др., 2006].

На этом фоне монография «Социальная политика и мир детства в современной России» выглядит отрезвляюще. Для исследовате-

Oxana Pogorelova — Southern Federal University, PhD candidate (AbD). Independent researcher. Academic interests: education studies, theories of inequality, university policy and politics, sociology of science. Email: o.v.pogorelova@yandex.ru

ля-релятивиста она должна стать чем-то вроде шоковой терапии, потому что речь в ней идет об абсолютных, а не относительных различиях. Различия между ребенком, окончившим плохую деревенскую школу, и ребенком, окончившим элитную гимназию, огромны. Но не тогда, когда мы сравниваем этих детей с тем, кто учится в школе-интернате при сиротском приюте. Это уже не просто «барьеры в доступе к образованию» — здесь анализ должен вестись в другом теоретическом дискурсе. К чести авторов рецензируемого издания, они такой дискурс пытаются создать.

Книга состоит из двух частей. Первая — исследования. Вторая — анализ различных инициатив в сфере профилактики семейного неблагополучия. В центре обеих глав — проблема сиротства и беспризорности.

Первая глава содержит анализ огромного эмпирического материала: от статистических выкладок по несовершеннолетним в пенитенциарной системе и результатов опросов ВЦИОМа до контент-анализа СМИ, разбора международных документов и конкретных судебных решений. Обилие эмпирики иногда заслоняет основную канву. Однако все вместе держит блестящее историческое исследование различных парадигм обеспечения прав ребенка, предпринятое В. Р. Шмидт.

Автор начинает с неожиданного тезиса: политике обеспечения прав ребенка сильно вредит сенситивность темы детства: «Права ребенка — часто табу для рефлексии многих специалистов... Все, что делается во имя защиты детей, не может быть подвергнуто сомнению» [Социальная политика.., с. 7]. Если принимается политическая инициатива, касающаяся ужесточения или смягчения наказания за отдельные преступления, можно рассчитывать на всестороннее и полное общественное обсуждение проблемы, столкновение различных групп интересов и принятие взвешенного решения. Но если этот же вопрос ставится применительно к несовершеннолетним (ювенальная юстиция), рациональные аргументы отступают на второй план и осмысленная дискуссия оказывается практически невозможной. Впрочем, пока еще не очень понятно, как именно исторический анализ должен сделать тему семейного неблагополучия, сиротства и беспризорности менее сенситивной и почему именно работа с понятиями должна стать источником критической рефлексии.

Этот тезис проясняется на следующем этапе: исторический анализ должен проблематизировать детство как таковое, вывести его из зоны эмоционального восприятия, но лишь затем, чтобы с еще большей жесткостью провести границу между «исключенными» и «неисключенными» группами. Детство — не константа, а переменная. Но неблагополучие ребенка — кон-

станта, поскольку оно напрямую (и во все времена) было связано с его *телом*. «Первичное понимание прав ребенка, — пишет автор, — сформировалось через осознание особенности *телесности ребенка* [Hendrick, 1997]. Ребенок должен быть накормлен — он не должен голодать. Ребенок должен получать регулярную медицинскую помощь. Передвижения ребенка должны регулироваться взрослым с целью обеспечения безопасности. Ребенок не должен подвергаться физическому наказанию и насилию. Понимание телесности ребенка как предмета защиты превратило ребенка в бессловесное существо... Имидж ребенка, соответствующий духу этой концепции, ярко представлен в романах Диккенса: хрупкий, болезненный ребенок, который вызывает жалость и умиление. Современные исследователи подчеркнули, что ребенок стал видимым, но перестал быть слышимым [James, 2008]» [Социальная политика.., с. 9].

Представление о ребенке, прежде всего, как о теле — биологическом объекте, нуждающемся в уходе, — сформировало особую *биополитику детства*. В сфере социальной политики ей соответствует «доктрина Шафтсбери»: только семья может обеспечить ребенку должный физический уход. А потому, как сформулировал этот тезис лорд Шафтсбери, «неизбежность вмешательства в дела семьи кажется большим злом, чем все плюсы от защиты детей» [Там же, с. 10].

На следующем этапе эволюции концепта «детство» ребенок наделяется помимо тела еще и моралью, т. е. по факту признается ответственным моральным субъектом. Ответственность взрослых тоже возрастает — теперь родители должны отвечать перед государством за нравственное воспитание своих детей. Возникает новый образ: «ребенок — жертва аморальных взрослых». Как замечает автор: «Ребенок — жертва родителей — впервые появляется в британском законе как правовой концепт не в отношении жертв насилия, но в отношении детей, привлеченных родителями к криминальной деятельности. Моральный вред, нанесенный родителями, рассматривался как большее зло, чем физический ущерб. Данный подход утвердил беспредельное право специалистов контролировать и оценивать родителей, принимать решение на основании подобной оценки [George, 1999]» [Там же, с. 12–13]. Таким образом, мы вновь видим, как смена биополитики детства (дополнение уравнения до формулы «ребенок = тело + мораль») приводит к смене базового паттерна социальной политики.

На третьем этапе к телу и морали ребенка добавилась «способность к действию» (свойство быть активным агентом социального мира). Теперь ребенок — не Оливер Твист, приобщенный к кражам носовых платков опытными лондонскими «жохами», а беспризор-

ник, организатор хорошо скоординированной преступной активности. Проблемы, порожденные мировыми войнами (в том числе массовое распространение беспризорности), открыли миру новый образ несовершеннолетнего правонарушителя: «ребенок — источник риска для социального благополучия». Способность детей к координации, самоорганизации и масштабным противоправным действиям в качестве соответствующего изменения паттерна социальной политики породила ювенальную юстицию [Там же, с. 22].

Наконец, на нынешнем этапе к биополитической «формуле ребенка» добавился еще один компонент — эмоциональные связи с другими людьми. Отсюда столь часто обсуждаемое в англоязычной литературе «право на любовь». Как заключает автор после долгого и скрупулезного разбора современной европейской судебной практики, «Европейский суд [сегодня] признает за эмоциями и отношениями ту степень значимости, которая позволяет обосновывать необходимость сохранения ребенка в кровной семье» [Там же, с. 25–26].

Интересно не то, что мы можем зафиксировать соответствие между исторически определенной «биополитической формулой» и доминирующим в данный исторический период паттерном социальной политики. Это как раз кажется очевидным. Любопытно, что у эволюции двух этих рядов понятий (биополитических и социально-политических) различные векторы. Биополитическая «формула ребенка» только расширяется, в нее входят новые элементы, образ детства усложняется, но ни один из вошедших в формулу элементов из нее не выпал (единожды утвердившись, «мораль», «субъектность» и, видимо, «эмоциональная привязанность» остаются ключевыми определителями ребенка — такими же, как особая детская телесность). Напротив, вектор трансформации доминирующего паттерна социальной политики описал полный круг: от примата семьи — к примату служб социального обеспечения, оттуда — к утверждению ювенальной юстиции и, наконец, назад, к семье как источнику эмоций.

Исследование В. Р. Шмидт можно сравнить с реконструкцией истории рынка наемного труда Робером Кастелем [Кастель, 2009]. Кастель сходным образом анализирует эволюцию антропологического персонажа «наемный работник», но движется в обратном направлении: от паттернов экономической политики к биополитической формуле.

Первая глава достигает необходимого эффекта за счет точного и беспристрастного исторического анализа. О последующих главах с полной уверенностью этого сказать нельзя. Сухие социологические данные соседствуют здесь с газетными заголовками: «Жи-

тельница Хакассии осуждена за издевательство над приемными детьми: два ребенка умерли» [Социальная политика, с. 39]. Местами текст написан крайне тяжелым комсомольско-бюрократическим языком: «Анализ мнений по вопросу решения проблемы социального сиротства в России показывает выраженное единодушие представителей различных слоев российского общества: от законодателей до специалистов учреждений социального обслуживания. Все отмечают важность оперативного и эффективного решения данной проблемы для настоящего и будущего развития России, обеспечения ее безопасности» [Там же, с. 44]. На этом месте хочется спросить автора: «Вы сейчас к кому обращаетесь?». Впрочем, поскольку у монографии 25 авторов, требовать от всех ясности изложения — все равно что требовать от самой монографии строгости композиции. Читать ее следует уже ради одной первой главы — особенно исследователям российского образования.

Социология образования живет в своем собственном сконструированном мире. Само образование предлагается рассматривать через призму «метафоры игры», где жизненные траектории — это «стратегии», годы жизни — «ставки», дети — «игроки», а шансы на лучшую жизнь — «выигрыш» [Константиновский и др., 2010]. Релятивизм здесь граничит с цинизмом. И если мы заметим авторам, что вопреки всем их концептуальным метафорам жизнь — не игра, а выбор — редкая привилегия, мы, скорее всего, услышим про «необходимость особого подхода к исключенным группам» и про то, что «не стоит распространять на весь объект свойства исключения из правил». Но социология социальной политики изучает именно исключения. И исключенных. А значит, чем больше ее результаты будут приниматься во внимание исследователями образования, тем быстрее они поймут, что за относительными различиями всегда скрываются различия абсолютные.

Библиография

Кастель Р. (2009) *Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда.* Н. А. Шматко (ред.), СПб.: Алетейя.

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. (2008) «Бег с препятствиями». Кому доступно качественное общее образование? *Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 7.* М. К. Горшкова (ред.), М.: Ин-т социологии РАН: 142–158.

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю. (2010) *Реальность образования и исследовательские реальности,* М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Константиновский Д. Л., Вахштайн В. С., Куракин Д. Ю., Рощина Я. М. (2006) Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения. *Вопросы образования,* 2006, 2: 186–203.

Крыштановская О. В., Радзиховский Л. А. (1993) Каркас власти: опыт политологического исследования. *Вестник РАН,* 1993, 63 (2).

Овчарова Л. Н. (2012) Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности. *SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*, 2012, 16: 15–38.

Овчарова Л. Н. (2009) *Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт,* М.: М-Студио.

Радаев В. В., Шкаратан О. И. (1996) *Социальная стратификация,* М.: Аспект Пресс.

George J. (1999) Conceptual muddle, practical dilemma: human rights, social development and social work education. *International social work,* 42: 15–26.

Hendrick H. (1997) *Children and social policy in English society, 1880–1990,* Cambridge: Cambridge University Press.

James L. (2008) Children, the UNCRC, and family law in England and Wales. *Family court review*, 46 (1).

References

Castel R. (2009) *Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Khronika naemnogo truda [The social question metamorphosis. Hired labor chronicle].* N. A. Shmatko (red.), SPb.: Aleteiia.

Konstantinovskiy D. L., Vakhshtayn V. S., Kourakin D. Y. (2008) «Beg s prepiatstviiami». Komu dostupno kachestvennoe obshchee obrazovanie? [Obstacle race. Who can afford a high-quality education in Russia?] *Rossiia reformiruiushchaiasia. Ezhegodnik. Vyp. 7.* M. K. Gorshkova (red.), M.: In-t sotsiologii RAN. S. 142–158.

Konstantinovskiy D. L., Vakhshtayn V. S., Kourakin D. Y. (2010) *Real'nost' obrazovaniia i issledovatel'skie real'nosti [Reality of education and research realities],* M.: Izdatel'skii dom GU-VShE.

Konstantinovskiy D. L., Vakhshtayn V. S., Kourakin D. Y., Roschina Y. M. (2006) Dostupnost' kachestvennogo obshchego obrazovaniia v Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniia [Affordability of a high-quality education in Russia: opportunities and limitations]. *Voprosy obrazovaniia*, 2: 186–203.

Kryshtanovskaia O. V., Radzikhovskiy L. A. (1993) Karkas vlasti: opyt politologicheskogo issledovaniia [Framework of power. An exercise in political research]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 1993, 63 (2).

Ovcharova L. N. (2012) Teoretiko-metodologicheskie voprosy opredeleniia i izmereniia bednosti. *SPERO. Sotsial'naia politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory [Theoretical and methodological questions of poverty definition and measurement],* 16: 15–38.

Ovcharova L. N. (2009) *Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k otsenke urovnia, profilia i faktorov bednosti: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt [Theoretical and practical approaches to evaluation of poverty level: Russian and international experience],* M.: M-Studio.

Radaev V. V., Shkaratan O. I. (1996) *Sotsial'naia stratifikatsiia [Social stratification],* M.: Aspekt Press.

George J. (1999) Conceptual muddle, practical dilemma: human rights, social development and social work education. *International social work*, 42: 15–26.

Hendrick H. (1997) Children and social policy in English society, 1880–1990, Cambridge: Cambridge university press.

James L. (2008) Children, the UNCRC, and family law in England and Wales. *Family court review*, 46 (1).